

ЗИНАИДА ГИППИУС

КАБАН

Зинаида Гиппиус

Кабан

«Public Domain»

1897

Гиппиус З. Н.

Кабан / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1897

«Сквозь длинный, медленный и серый ряд годов глаза видят, как со дна сквозь глубокую воду. Обращая взоры к удаляющейся поверхности воды, к детству, где еще мелкую волну свободно проникало солнце, мы видим, как мутнеет солнце, и все предметы через плотнеющее стекло вод кажутся слишком большими, невероятными, такими, каких не бывает. И мне хочется рассказывать, не приближая воспоминаний, не превращая волшебных-милых, тусклых образов в маленькие, точные и скучные фигурки действительности. Отдельные освещенные часы, дни, порой недели не буду связывать нарочно там, где они разделены темнотой в моей памяти...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Кабан

I

Сквозь длинный, медленный и серый ряд годов глаза видят, как со дна сквозь глубокую воду. Обращая взоры к удаляющейся поверхности воды, к детству, где еще мелкую волну свободно пронизало солнце, мы видим, как мутнеет солнце, и все предметы через плотнеее стекло вод кажутся слишком большими, невероятными, такими, каких не бывает. И мне хочется рассказывать, не приближая воспоминаний, не превращая волшебных-милых, тусклых образов в маленькие, точные и скучные фигурки действительности. Отдельные освещенные часы, дни, порой недели не буду связывать нарочно там, где они разделены темнотой в моей памяти.

Вижу себя на стуле у стола, с подложенной подушкой, чтобы быть выше, выводящим по тетрадке прописей фразу: «Книга лежит на окне».

Мне хочется написать что-нибудь неожиданное, свое. Я пишу с трудом: «Книга лежит ф столе».

Это «ф» меня немножко смущает, потому что, прежде чем учиться писать, я давно и много читал.

«Ф» как-то смутно непривычно – но, в общем, я доволен и наклоняю голову набок, чтобы хорошенько полюбоваться на то, что написал.

Но вдруг я вспоминаю горькое обстоятельство, мучившее меня целый день вчера и сегодня утром, осторожно кладу перо, заметив при этом, что пальцы у меня мокры и блестящи от чернил, – и начинаю сперва хныкать, а потом и плакать. Я не реву громко, но всхлипываю.

Так длилось несколько минут без всяких изменений. Я был занят своим досадным горем. Но в открытую дверь, шурша платьем, вошла мама. Я по шороху ее платья знал, в каком она настроении, и теперь затих слегка, потому что шорох был сердитый.

Мама прошла мимо, к окну, и что-то искала там.

Не найдя и возвращаясь назад, она произнесла с серьезностью:

– Это удивительно, Витя, как у тебя мало характера. Мне жаль тебя даже. Я не думала, что ты можешь плакать днями из-за вздора.

Мне стало стыдно, и я замолк окончательно. Видя, что она не уходит, а действительно смотрит на меня с сожалением и насмешливостью, я прибавил нерешительно:

– Поля... уехала.

– Прекрасно, что ты ее так любишь, но ты не настолько мал, чтобы не выдержать разлуки со своей нянькой на месяц, особенно если знаешь, как ей нужно было ехать в деревню.

– Я знаю. Да ведь это долго – месяц! А мне играть не с кем. Ну да пусть бы. А еще это-то зачем? Ну зачем?

Я опять приготовился плакать. Мама покачала головой.

– Я уже тебе говорила, Витя, – начала она спокойно, – что Людмила Федоровна, родственница мадам Смирновой, которую я так уважаю, делает мне услугу, одолжение, соглашаясь заняться с тобой летом, пока мы на даче. Осенью ты будешь учиться со мной, а Людмила Федоровна уедет в Петербург. Теперь же я больна – может быть, поеду на воды, Поля уехала, и я очень рада, что могу поручить тебя надежному человеку. А ты портишь мою радость и унижаешь себя перед Людмилой Федоровной. Ты понял меня?

Я посмотрел на маму, на свои руки в чернилах. Мне было очень стыдно.

– Ну хорошо, – сказала мама, снимая меня со стула. – Поди теперь погуляй в садике и подумай о моих словах. Надо иметь характер.

Я медленно и нерешительно сошел в палисадник. Там пекло солнце. Сквозь маленькие, тонкие и редкие сосенки у забора с уныло-красноватыми, сухими стволами виднелась дорога, сыпучая, желтая, вся из глубокого песка. За дорогой возвышались такие же сыпучие, песчаные курганы, поросшие все теми же красными, грязно-пыльными соснами. Налево, в отдалении, извивались рельсы, ходили поезда, а за полотном опять песок, сосновая роща погуще, сквозь которую чуть белел большой трехэтажный дом. Дом этот недавно достался по наследству маминной подруге, Лидии Ивановне, которая там, впрочем, не жила и даже, кажется, еще не была ни разу. У нее, как я слышал, был в городе пансион для девочек и мальчиков. У нее же мы нанимали и нашу дачу, небольшую, деревянную, на самом припеке. Все это имение, ради бесконечных сосен, называлось Основою.

Я слышал, что отец, возвращаясь вечером из города, бранит нашу дачу, знал, что и мама недовольна, а мне нравилось. Мы лазали с Полей на высокие песочные горы, проваливались, падали вниз, катались, как по снегу. Мы уходили далеко, и места были все новые. Только на ту сторону полотна, к большому дому, Поля не очень любила ходить и даже сказала мне однажды, что там «нехорошо». А мне казалось, что там-то именно и хорошо, и белый дом с ровными рядами неподвижных окон так и тянул меня.

Поле написали, что ее мать опасно больна, и она уехала к себе в деревню, очень далеко. Я остался один. Одному мне не позволяли выходить за калитку палисадника. А тут еще гувернантка придет... Какое уж гулянье с гувернанткой? Я знал гувернанток. Два года тому назад мне было взяли француженку, m-me Hortense. Толстая, страшная, она только кричала мне пронзительно, когда я играл на ковре в кирпичики: «ramassez les briques!»¹ Потом оказалось, что она у себя в комнате пьет водку. Она уехала, но, уезжая, так сильно сердилась и бранилась, что я в ужасе прижимался к Поле, которая, слава Богу, ни на минуту меня не оставляла, даже и при гувернантке. А теперь Поля нет! Что-то со мною будет?

В горле опять сдавило, но я удержался, одумался и, заложив руки за спину, прошелся по дорожке. На клумбе глупо слипались от порывов сухого ветра лиловые, дурно пахнущие, петунии. Сосенки у забора кидали серую, как паутина, тень, почти не похожую на тень, и в которой было не прохладнее, чем на солнце. Вдали, за полотном, высокая роща переливалась верхушками и рокотала издали густо, гулко, мерным рокотом. Сосны очень суровые. Но это хорошо. Вот у них есть характер. А у меня нет характера, боюсь гувернантки, не могу вытерпеть и реву! Так пусть же будет характер! Довольно!

Я победоносно прошелся еще раз по садику, даже на белеющий вдали, меж сосен, дом взглянул почему-то с торжеством, и побежал к маме. По дороге я наткнулся на кухарку Анну, толстую чухонку, которая несла сливки в погреб. Сливки разлились, я сконфузился, извинился, умерил быстроту бега и явился к маме не так шумно.

Отец только что вернулся из города, переоделся и сидел с мамой в ожидании обеда.

К отцу, болезненному и раздражительному, я относился равнодушно, говорил с ним редко и потому теперь не сказал сразу маме то, что хотел.

– Это невозможно, матушка, – сердился отец. – Мало того, что еще в пекле, в пекле живем, – еще и достать ничего нельзя! Пошли за зеленью в большой дом, есть же там огород! Не из города все до последнего огурца привозить!

Мама усмехнулась.

– А вот ты попробуй, пошли. Ни за чем нейдут в большой дом. Есть там садовник, он же и огородник, угрюмый и древний старик. Зовут его Дементий, но прозвали еще почему-то Кабан. Все знают Дементия Кабана. Боятся его все кругом ужасно... И даже не его. Чуть

¹ «соберите кирпичи!» (фр.).

не силой заставила Анну сходить за капустой – уверяет потом, что капуста как каменная, не варится. «Нечисто» – заладили одно, и конец. Я уже пробовала убеждать их, что все у Бога чисто – еще хуже вышло. Ничего не поделаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.